
Наталья КРОФТС, Жаклин ДЕ ГЁ

ПРЕКРАСНАЯ ПОЛОВИНА

Рассказ

В Андах, на границе Перу и Боливии находится самое большое пресное озеро Южной Америки. Часть населения живет на плавучих тростниковых островах, которые жители стоят сами.

По материалам Википедии и по личному наблюдению одного из авторов

Мехор сидел на краю острова, сплетенного из соломы. Горячий солнечный свет рассыпался по воде сияющей рябью, золотил дрейфовавшие неподалеку островки соседей-соплеменников. У берега шелестел тростник, качали плакучими ветвями деревья, а вдали, почти сливаясь с яркой синевой безоблачного неба, белели снежными шапками обступившие озеро высокие горы — Анды.

За спиной что-то брякнуло, прокатилось по соломенному настилу. Легко зашлепали босые ноги.

Мехор обернулся. Лирис уже подняла ускользнувший от нее котелок: медные бока его полыхали под солнцем, бросали отсветы на смуглые щеки молодой индианки. Полотняное платье без рукавов подчеркивало все изгибы ее стройной фигурки...

Лирис заметила взгляд мужа, отвела глаза. Нагнулась, зачерпывая воду, — ткань на груди натянулась — снова выпрямилась и, неспешно покачивая бедрами, направилась к хижине. Мехора обдало жаркой волной. Он вскочил, бросился следом за женой.

С соседнего, совсем маленького островка послышался хриплый смех — старый Бромиста хлопал ладонями по ляжкам, ухмылялся во весь свой беззубый рот.

— Ох уж эти молодожены...

Из ветхого кособокого шалаша высунула голову жена Бромисты Груньона — такая же старая, морщинистая и беззубая, как ее благоверный, — сощурила слезящиеся глаза, проворчала неодобрительно:

— Хватит кудахтать, пень трухлявый, — делом займись! Время к обеду идет, а рыба-то где? — и снова скрылась.

Наталья Крофтс родилась в Херсоне. Окончила МГУ и Оксфордский университет. Публиковалась в журналах «Нева», «Юность», «Новый журнал», «Дети Ра», в «Литературной газете» и других изданиях. Неоднократно участвовала в Форумах молодых писателей в Липках. Живет в Австралии.

Жаклин де Гё Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила Московский полиграфический институт и Fairleigh Dickinson University (США). Неоднократный призер сетевых литературных конкурсов (поэзия, повести, рассказы, миниатюры). Публиковалась в периодических изданиях и сборниках в России, Германии, Израиле, США, Финляндии. Живет в США.

Старик перестал смеяться, покосился обиженно на шалаш, забормотал себе под нос:

— Да уж не трухлявей некоторых... Эх, жизнь, никакой справедливости. Одному рыба спинка, другому кости из хребта. Вон у Мехора — и лучший в племени остров, и жена красotka — глаз не отвести, да еще и молчит все время, словно у нее и голоса нет. А моя всю жизнь ворчит: бу-бу-бу, бу-бу-бу, — а красавицей-то никогда и не была...

— Я все слышу! — раздалось из шалаша.

Бромиста только рукой махнул.

* * *

Мехор расслабленно лежал рядом с женой. Мелкие пылинки искорками вспыхивали в тонких лучах, пробивавшихся через кровлю хижины. Душный запах сухой травы мешался с озерной свежестью. Остров чуть покачивался в такт плеску воды. Мехора клонило в сон.

— Я с тобой развожусь.

Он резко открыл глаза, приподнял голову и взглянул на Лирис. В мерцающем полусвете черные глаза жены казались бездонными.

— Ты что-то сказала?

— Да, — она гибким движением вывернулась из-под обнимавшей ее руки, потянулась за одеждой. — Развожусь я с тобой.

Мехор тупо смотрел на жену, не в силах соединить в сознании недавние бурные ласки и ее слова.

— Ты шутишь?

— Какие шутки? — Лирис соскочила с ложа, на ходу натягивая платье на загорелое тело. — Мы прожили вместе полгода, я не зачала от тебя ребенка, значит, имею право развестись.

— Лирис! Ты же сама не хотела ребенка! Сказала, что надо пока подождать, пожить для себя!

— Не помню такого. А даже если и сказала — все равно не докажешь, — Лирис направилась к выходу из хижины.

У самой двери она обернулась:

— Половина острова по закону моя, — и вышла наружу, оставив Мехора одного.

* * *

— Лирис, да что случилось?

Мехор, щурясь от яркого света, разглядел, чем занята жена, и застыл.

Пока он искал в полумраке хижины разбросанную второпях одежду, Лирис уже провела куском охры по настилу линию раздела и теперь деловито переносила на свою сторону все самое нужное: камень-подставку для печи, саму печку, запасные весла, соломенный столик.

Проморгавшись, Мехор сообразил, что и хижина оказалась на ее стороне.

Лирис перехватила взгляд мужа, выпрямилась:

— Нет смысла пилить дом, — твердо сказала она. — Обломки никому не нужны, ни тебе, ни мне. Поэтому я забираю его целиком.

— Лирис! Да объясни хоть, что это вдруг на тебя нашло? У нас же все было хорошо, мы даже не поссорились ни разу! Ты ни на что не жаловалась, ничего не просила...

— Вот дурак-то, — прокомментировала с соседнего островка Груньона. — Жена полгода молчит, ничего не просит, а он думает, что в семье все хорошо! Правильно делаешь, что уходишь, красавица! Что это за муж! Видела бы тебя, парень, твоя покойная

мать — покраснела бы со стыда, что родила такого недоумка! У нее-то голос звенел с утра до вечера, по всему озеру было слышно — повезло женщине с мужем! Бромиста, что ты рот открыл, пень трухлявый?! Бери челнок, плыви к Виспе: пусть подгрребает сюда, а то все пропустит! И остальных, мимо кого плыть будешь, тоже зови! Такие острова не каждый день пополам пилят!

Мехор не слушал ворчливую соседку. Бегая за женой по острову, он изо всех сил старался убедить Лирис подумать или хотя бы объяснить, в чем он провинился. А та, не поворачивая головы в сторону Мехора, методично заглядывала во все углы и под соломенные циновки, изредка перебивая его короткими фразами: «Поддай котелки. Нет, этот, треснутый, оставь», «Помоги жернов перенести, он тяжелый», «А топорик наш где?»... Мехор поспешно исполнял ее просьбы, продолжая расспросы и уговоры. Наконец Лирис повернулась, взглянула ему прямо в глаза и солнечно улыбнулась — усталой, но довольной улыбкой. Сердце Мехора дрогнуло: «Все! Она больше не злится!», и картины жаркого, нежного примирения уже зароились в его воображении...

— Готово. Неси пилу.

Безупречно красивое, слегка раскрасневшееся лицо Лирис не выражало ни нежности, ни даже жалости — только нетерпеливое ожидание. Мехор медленно опустил-ся на настил.

— Лирис! Ну что я тебе сделал?

— Ничего не сделал. Просто я не люблю тебя. И не любила никогда.

— Неправда! Я тебе не верю! Если не любила, то зачем вышла за меня замуж?

Лирис пожала плечами, окинула взглядом замечательный просторный островок, бросила с легкой досадой:

— Подумай, может, догадаешься! — и пошла за пилой.

* * *

Сияло солнце. Плескалась вода. Переговаривались приплывшие со всего озера соплеменники. Противно, с шелестящим присвистом, скрипела под зубьями пилы золотая солома. Облачком вилась мелкая труха, падала в темную воду между двумя половинами острова — чем длиннее становился распил, тем больше они отдалялись друг от друга. Наконец осталась только тонкая перемышка. Спина Лирис блестела от пота.

Веспа — толстая, многодетная баба, известная сплетница, прокомментировала:

— Ну и картинка! Жена вкальвует, а он сидит и бездельничает!

— А что он должен делать? — заступился один из молодых холостяков, Аль. — Своими руками разрушить то, что создали его родители? Как посмотришь на такое, хоть вообще не женись. Совсем обнаглели. У дедов обычаи были лучше: строптивых жен, недовольных мужьями, просто в воду сталкивали!

— Ага, — злорадно хихикнула Груньона. — Столкнул один такой, как же...

Бромиста тяжело вздохнул:

— У дедов, парень, тоже не все гладко было...

Аль упрямо возразил:

— Все равно. Ей надо, пусть сама и пилит. Вся вина на ней. Мехор — хороший муж.

Лирис порывисто выпрямилась, темные глаза ее вспыхнули.

— Тебе-то откуда знать, какой он муж? — выкрикнула она и в сердцах топнула ногой. Узкая полоска, все еще соединявшая обе части острова, не выдержала — стебли соломы с треском порвались, и та половина, на краю которой оказалась Лирис, резко вздыбилась. Молодая женщина, не удержавшись на ногах, скатилась в воду. Половинка острова замерла на секунду, словно раздумывая — перевернуться или нет? — крутну-

лась вокруг своей оси и плюхнулась обратно, с размаху прихлопнув Лирис и подняв тучу брызг.

Соседи еще не успели опомниться от неожиданности, а Мехор уже прыгнул в воду, набрал в легкие побольше воздуха и нырнул.

Под островом царил полумрак, очертания предметов еле различались в густой колышущейся тени. Лирис утянуло уже далеко: она не боролась, а медленно и безвольно опускалась сквозь слой темной воды. Мехор рванулся вглубь, наперерез. Грудь сдавило, в висках застучало, перед глазами заплясали радужные круги. Он едва успел подхватить Лирис до того, как та попала в придонное течение. Тело ее, расслабленное и тяжелое, потянуло его вниз, словно каменный жернов. Отчаянно перебирая ногами и свободной рукой, Мехор тащил жену обратно, к свету и жизни, но силы его стремительно таяли. А остров навис прямо над ним, заслоняя путь на поверхность. Мехору мучительно захотелось сделать глубокий вдох — и будь что будет...

Но тут остров неожиданно скользнул в сторону — и вода заискрилась от солнечных лучей. Последним усилием Мехор вытолкнул Лирис наверх и, теряя сознание, начал снова падать в глубину.

* * *

Мокрая солома липла к щеке. Мехор судорожно хватал воздух, время от времени тяжело откашливая пахнущую тиной воду. Он открыл глаза. Тело Лирис неподвижно лежало рядом, над ним хлопотала Веспя. Мехор глянул на жену — и в ужасе отпрянул. Никогда еще он не видел Лирис такой. Запрокинутое к небу лицо было лицом утопленницы. Смуглая кожа отливала синевой, волосы спутались, в черных прядях застряли водоросли. Из глубокой рваной раны на левой щеке сочилась кровь, верхняя губа и сломанный нос безобразно распухли, глаз заплыл...

Лирис застонала. Здоровый глаз открылся, уставился в небо. Веспя тут же приподняла молодую женщину, помогла сесть, начала осторожно обтирать ветошью окровавленное лицо.

— Лирис! — Мехор вскочил и, пошатываясь, бросился к ней. — Ты жива! А я-то, глядя на твое лицо, уже подумал...

— Мое лицо?! — Лирис оттолкнула мужа и соседку. Подползла к краю настила, склонилась над водой — и замерла. И тут впервые в жизни Мехор услышал ее плач. Он присел рядом, бережно погладил жену по плечу.

— Лирис... Успокойся. Главное — ты жива. Все будет хорошо.

Она попыталась ответить, но слова не шли из распухших губ. Тогда Лирис ткнула пальцем в свое отражение и зарыдала так, что даже плечи затряслись.

— Оставь ее, — хмуро проворчала Груньона. — Бедняжка потеряла красоту, ей сейчас не до тебя.

Мехор растерянно обвел взглядом соплеменников.

— Что сделать, чтобы она успокоилась?

Мужчины переглянулись, женщины отвели глаза.

Лирис вдруг приподнялась, трясущейся рукой указала Мехору на его половину острова и прохрипела:

— Убирайся, слышишь?! И не притворяйся, что ты за меня волнуешься! Ты же ни разу в жизни не поговорил со мной толком, ни разу! Я никогда тебе не была нужна — только моя красота, больше ты ничего не видишь! Так нет ее теперь! Убирайся, уплывай — подальше от меня!

— Ты правда хочешь именно этого? — спросил, помолчав, Мехор. — Чтобы я уплыл?

— Да! Да! Да!

— Хорошо, — он повернулся к лодке Аля. — Помоги перебраться на мою половину, дружище.

— Мехор, — вмешался вдруг старый Бромиста. — А ведь теперь обе половины твои. Ты спас ей жизнь.

Соплеменники снова переглянулись — и вдруг заговорили все разом, закивали головами.

— Да! Так и есть! Он спас ей жизнь — теперь он ей ничего не должен! Старик прав! Закон есть закон.

Молодые парни захохотали, засвистели.

— Не повезло тебе, бывшая красотка! — издевательски прокричал Аль. — Попробуй теперь поймать себе в мужья другого дурака!

Лирис застыла, непонимающе переводя глаза с одного соплеменника на другого. Вдруг ее изуродованное, перемазанное кровью лицо скривилось, она с омерзением посмотрела на Мехора:

— Так вот почему ты не бросил меня там, под водой! Надо же, как дорог тебе этот островок. Ведь сам чуть не погиб!

— Лирис, да я про остров тогда даже и не думал!

— Ага, поверила я! Ты же мне все уши прожужжал о том, как ты его любишь, сколько труда вложили в него твои родители, чтобы сделать тебя самым завидным женихом в племени! Лжец! Ненавижу! Небось и в воду-то за мной первым прыгнул, чтобы никто другой не опередил!

Между ними вдруг вклинилась толстуха Веспa, о которой Мехор совсем забыл, зашипела на Лирис:

— Ты что, с ума сошла? Мозги раскисли от купания, не соображаешь, что говоришь? Или не дошло еще, что у тебя теперь ничего нет? Просись обратно, дура! Умоляй мужа, чтобы простил!

— Не надо меня ни о чем умолять, — жестко перебил Мехор, бесцеремонно отодвигая соседку в сторону. — Лирис же ясно сказала — ненавидит она меня, хочет, чтобы я убирался подальше.

Он посмотрел жене прямо в глаза.

— Раз все это было только ради острова, я отдаю тебе обе половины. Забирай.

Над озером повисла долгая тишина. Казалось, даже плеск воды зазвучал глуше, даже деревья замерли, даже далекие горы придвинулись чуть ближе и прислушались.

— Ты... шутишь? — тихо спросила наконец Лирис.

— Нет. Не шучу. Бери и будь счастлива.

— А как же ты?

Мехор вдруг улыбнулся:

— Я построю себе новый остров. В конце концов, разве я не сын своих родителей? — и снова махнул рукой Алю: поехали, мол, дружище.

Уже отплывая, он услышал сзади голос Лирис:

— Но почему обе?!

Мехор обернулся, пожал плечами:

— Подумай, может, догадаешься.

* * *

Лето катилось к осени, спать на плоту становилось все прохладнее. Но ничего лучше у Мехора пока не было — чтобы построить остров, нужно время, — и он часто просыпался слишком рано, перед самым рассветом, зябко кутаясь в подаренное Алем шерстяное одеяло. Однако в это утро его разбудил не холод, а ритмичный шорох и громкий

плеск. Мехор открыл глаза, сел, огляделся. Над водой стелился туман. Снежные шапки гор сверкали в лучах разгоравшегося рассвета, а над ними в синем небе белели перистые облака.

Снова плеснуло. Мехор повернулся на звук. Половина его бывшего острова покачивалась на волнах совсем близко, задевая краем бортик плота. На ней не было ни души. Встревоженный Мехор рывком поднялся на ноги, шагнул на знакомый с детства настил. И сразу же заметил на блеклой соломе темные бурые разводы.

Кровь? Что с Лирис?!

Он взял половинку острова на буксир и поспешно поплыл на поиски.

* * *

Женщина лежала на постели лицом к стене.

— Лирис!

Мехор схватил ее за плечо, развернул к себе. Увидел заспанное лицо с изумленно распахнутыми глазами.

— Фух! Ты жива! А я уже подумал...

Лирис сердито стряхнула с плеча его руку:

— С ума сошел? Разве можно так пугать?

— Прости, — Мехор смущенно pokrutil головой. — Пойдем наружу, я тебе все объясню.

Когда Лирис закончила печь маисовые лепешки, от ночной дымки над водой не осталось и следа, а на смену перистым облакам из-за гор медленно наплывали пухлые темно-серые тучи.

— И что, каждый день кровь из носа идет? — участливо спросил Мехор.

— Нет, — качнула головой Лирис, — не каждый. Сейчас уже редко. Веспа говорит, все пройдет, когда нос совсем заживет. Просто останется таким вот кривым да приплюснутым, и шрам на щеке останется тоже, но крови больше не будет.

— Понятно, — Мехор не знал, как бы половчее задать следующий вопрос, и наконец спросил в лоб: — Как тебе одной живется-то? Лучше, чем было со мной?

Лирис искоса взглянула на него:

— Сплю больше. Работаю тоже больше. А поговорить по-прежнему не с кем.

Она вдруг засмеялась, потрепала Мехора по волосам:

— Да не смотри ты так. Смотреть-то уже не на что. Ешь, пока не остыло.

И добавила, глядя на небо, синева которого все больше затягивалась клубящейся темной хмарью:

— Когда поплывешь, к берегу правь. К заводи. Гроза идет. Сильная.

— Вижу. Сижу вот, думаю, как ты справишься с двумя островками сразу. Давай помогу отогнать?

Лирис помолчала, снова взглянула на тучи, кивнула:

— Спасибо.

* * *

Они успели переправиться в тихую заводь до того, как началась буря. Занесли в хижину вещи Мехора и теперь сидели у входа, смотрели через открытую дверь, как вспыхивают снаружи молнии, слушали, как гремит гром. Струи дождя хлестали по настилу, разбивались на фонтанчики мелких брызг. Вторая половинка острова, качающаяся на темных волнах заводи, еле различалась за пеленой грозы.

— Забрал бы ты ее, — тихо сказала Лирис.

— Почему? — удивился Мехор.

Она ответила все так же тихо, но твердо:

— Ты сказал тогда: «Подумай, может, догадаешься». Я и подумала. Хорошо думала, долго. Вот что скажу. Неправа я была. Похоже, любил ты меня — слов только не говорил. Да и жизнь у нас спокойно шла, делать ради меня ничего не приходилось. А понадобилось — жизнь спас, остров подарил...

Мехор молчал, глядя на льющиеся с неба потоки воды. Лирис, не дождавшись ответа, добавила:

— Забери. А то утонешь еще на плоту своем.

Мехор, не зная, что сказать, предложил:

— Давай завтра об этом поговорим. А пока — может, огонь в очаге развести? Уютнее будет.

— Ну, разведи, — согласилась Лирис. — Я заодно и ужин приготовлю. Дождь, кажется, надолго зарядил.

* * *

Теплые оранжевые отблески плясали по стенам хижины. Вкусно пахло печеной рыбой.

— А что же ты половинки так и не сплела? — глядя на пламя спросил Мехор.

— Говорю же: решила вернуть тебе пол-острова. Нехорошо, когда у одного все, а у другого — ничего. Неправильно.

— Жалко, что все так вышло. Хороший был островок... — вырвалось было у Мехора, но он тут же придержал язык и виновато глянул на Лирис.

— Хороший... — тихо согласилась та. — Только счастья мне с этого «хорошего» немного было. То с тобой — одна, то совсем одна...

— Говорил я тебе: давай ребенка заведем, — мрачно заметил Мехор. — Дети — они как раз для такой любви, которая вся из разговоров. А муж... он для другого.

Лирис фыркнула.

— Ага, знаю я, для чего!

— Ну и для этого тоже. А еще для всяких важных дел. Жизнь спасти, остров подарить...

— Можно подумать, ты мне каждый день их дарил!

— Я, когда женился, сразу сказал: все мое теперь твое. Так оно и было, правда же?

Он поднялся на ноги, взял свои увязанные в одеяло пожитки.

— Ладно, Лирис. Дождь перестал, хватит мне у тебя рассиживаться. Одно только еще скажу: прости, если что не так было. Откуда мне было знать, что плохо тебе со мной? Ты же виду-то не показывала.

Он вздохнул, отворил дверь — и застыл на пороге.

— Лирис! Глянь!

Она, встревоженная странным тоном его голоса, подбежала, выглянула наружу — и ахнула, ухватив Мехора за руку.

Остров снова стал целым. На влажных от недавней грозы стеблях не осталось даже следа распила. Мехор повернулся к Лирис. И было в ее глазах что-то такое, что он отвернулся от распахнутой двери, поставил узелок на пол — и начал неторопливо доставать из него свои вещи, раскладывая их на привычные с детства места.

Ласковые, такие знакомые руки обвили его плечи...

— Вот и правильно, — прошептала Лирис, и Мехор почувствовал по голосу, что жена улыбается, — не пилить же его заново.